

Мир окрадываемый

II. «Секта безбожников»

(Вожди)

Для него (Ленина) Россия со всей ее мощью — революционный плакат, не больше... Все — и территория, и история, и сто миллионеров, Кремль, Ломоносов, Пушкин, Андрей Рублев, Лобачевский, сам он, Владимир Ильич Ленин — все это лишь революционный плакат, наклеенный на забор вселенной. Когда плакат достигнет цели, его сорвут или заклеить новым. И самое слово Россия — сгниет. Наша революция — плакат. Тут и есть величие Ленина. Он это посмел и сумел»¹.

В страшных, будто в горячечном бреде выкликаемых, словах одного из героев современного советского романа точно и верно отразились безумие и вместе страстный, доведенный до темного горения, пафос коммунистической веры, коммунистического мессианизма.

Не распространяя этого утверждения на всю сложную группу явлений, известных под общим именем русского коммунизма, можно определенно говорить о наличии в нем «секты безбожников», объединяющей людей, наиболее глубоко подвергшихся действию «темных лучей» коммунизма, зараженных какой-то отрицательной подобо-религиозной стихией.

Последователи этой, действительно, «секты» обладают всеми чертами, характерными для сектантской психологии — они до фанатизма убеждены в своей правде, верят, что только они обладают полнотой истины, глухи и слепы ко всему, что не уместается в прокрустово ложе их схем и построений; в сущности — они «одержимые».

Будучи едины в основном — в ненависти к Богу и религии — безбожники чрезвычайно разнообразны по своему психологическому типу, по своему пониманию содержания работы, приемов достижения основной цели — вырвать из сердца людского самую память о Боге.

¹ С. Григорьев. Коммуна Мар-Мила.

Одни из них реально, почти осязательно переживая несомненную «правду» призраков, овладевших ими, искренне недоумевают, почему другие не видят того, что так ясно, самодостоверно для них.

По своей психологии, по методу действий представители этой разновидности антирелигиозников типичные «просветители». Им кажется, что достаточно все подробно разъяснить, полно и последовательно изложить, и все, у кого сохранились хотя бы остатки здравого смысла, познают истину, согласятся с ними. В целях этого «просвещения» создается громадная литература, трактующая вопросы сравнительной истории религий, — доказывающая «несомненное родство христианских мифов, с мифами языческими», пытающаяся неопровержимо «научно» показать естественное, натуральное происхождение христианства.

Люди этого упрощенно-примитивного подхода к религии крепки фанатичной убежденностью в своей правоте, одушевлены слепой верой в самодостоверную очевидность открывшейся им бедной «истины», страшны своей цельностью и рождаемой ею кипучей энергией, настойчивостью.

К внешним проявлениям религиозной жизни они относятся с оттенком снисходительного — «просвещенного» — презрения, стремятся быть «корректными в отношении людских заблуждений», — избегают грубых насмешек, кощунственных выходок.

Другие из безбожников обладают более утонченной и глубокой психологией. Они понимают, что корни религии лежат глубже, чем это кажется «просветителям», знают, что одними «разъяснениями» и «доказательствами» ничего не поделаешь. Им ясно, что для действительной борьбы с религией, с верой необходимо овладеть теми мощными, но вместе и наиболее непрозрачными, закрытыми слоями человеческой личности, которые обозначаются словами — эмоциональная сфера.

Они широко ставят вопрос о необходимости изменения характера антирелигиозной борьбы в смысле большого включения в нее моментов эстетических, музыкальных, элементов «хорового действия». Красоте

церковных богослужений и церковному освящению моментов жизни — утверждают они — необходимо противопоставить широко и красочно разработанный «красный обряд», новые формы быта». Особенно любопытны в этом отношении предложения и начинания небезызвестного талантливой педагога С.С. Шацкого².

Часть безбожников-руководителей идет еще дальше. Для многих среди них уже очевидно, что богоборческая работа, ограничивающаяся только чистым отрицанием, психологически обречена на несомненный неуспех. Они признаются, что даже те, в ком «горит революционный пыл и пафос в ужасе отступают перед открывающимся черным провалом голого отрицания, судорожно цепляются за что угодно, лишь бы убежать от этого сознания пустоты. Для представителей этого типа безбожников, несомненно, что ограничиться одним отрицанием религиозной веры невозможно. Нужно дать какое-то положительное содержание, нужно создать нечто такое, что давало бы достаточно удовлетворяющий ответ на вековечные искания и томления человеческого духа. Они лелеют мечту о создании своеобразной «безрелигиозной религии».

Довольно широкую группу среди «секты безбожников» составляют люди, мало интересующиеся содержанием, сущностью антирелигиозной работы; она для них важна и привлекательна только потому, что дает активный выход клопочущему в них чувству лютой ненависти. Для них — Бог, религия — «болезнь культуры», «отвратительный пережиток». Они возненавидели Бога, Имя Божие какой-то коммунистической ненавистью, ненавистью с оттенком затаенной обиды, личной, неразрешимой тяжбы с Богом. Все проявления религиозной жизни, все религиозные символы вызывают у них припадки холодной злобы, неудержимо влекущей их к кощунству, к издевательствам.

Органом этого течения является журнал «Безбожник у станка», руководимый Лонгиновым. Каждый рисунок, каждая заметка этого журнала

² На путях к новой школе. 1927-3.

дышат духом холодно-цинического издевательства над всем, что близко и дорого сердцу верующего человека. Ненависть этих антирелигиозных циников с особой силой непримиримости обрушивается на лик Спасителя, именуемого ими не иначе как «всемирный социал-соглашатель», «плотничек из Назарета».

В последнее время в качестве руководителей антирелигиозной работы все активнее и активнее выступает «смена» — группа молодых советских ученых «выгнанных», — как выгоняются ранние овощи, — в партийных — марксистских школах и семинарах.

Воспитанные на «марксистском подходе к истории», эти «ученые» совершенно лишены чувства сложности и своеобразия исторических процессов — музыка истории для них не звучит. С какой-то роковой внутренней неотвратимостью живое многообразие исторической действительности они подменяют надуманной убогой схемой.

С точки зрения представителей этой новой «классовой» науки, христианство обязано своим происхождением ни более ни менее, как только (и исключительно) «закономерной смене экономически-социальных отношений». «Новому строю (самодержавию римских императоров), — пишет один из них, — гораздо более соответствовала новая христианская религия. У господина — бога-саваофа — (как и у императора) было немало помощников — собственный сын, по бокам которого восседали его апостолы, ангелы и прочее. Как наиболее соответствовавшая новому строю, христианская религия стала распространяться там, где существовали сплоченные массы, задачей которых было защищать новый строй. Такими массами были армия, среди которой и начинается быстрое распространение христианства³. По мнению этих новых историков христианства, борьба с арианской ересью была политической борьбой, которую «Византийско-императорская Церковь вела с варварскими (германскими) народами»⁴.

³ А. Струве. Существовал ли Христос.

⁴ В. Рожицин. Рождество Христово // Пролетарий. 1925. №54.

Совершенно серьезно высказывается соображение, что догмат о единосущии возник потому, «что надо было обосновать единодержавие императора Константина Великого», так как «теперь уже сам «бог» учил тому, что всякая власть от Бога».

Хозяева христианской общины пошли рука об руку с хозяевами государства и всех благ земных, и это взаимное страхование было наиболее надежным против посягательства на верхи и существующий строй снизу»⁵.

Историки с марксистским подходом совершают такое поразительное «открытие», что в эпоху гонений на христиан не *язычники* гнали христиан, а *христиане* гнали язычников.

Оказывается, что «сильная власть сдерживала толпы христиан, когда они с епископами во главе пытались штурмовать храмы. Слабая власть сделать этого не могла, а так как христиане считали попытки оборонять храмы и защищать их от погрома проявлением языческого зверства, то они свои победы именовали торжеством истинной веры, а поражения — гонениями и мучениями»⁶.

Среди этой плеяды новых «ученых» есть много людей безусловно искренних, несомненно, талантливых. Все они свято верят в непреложную истинность своих «объективно научных» построений, горят пылким задором молодости «разоблачить» историческую ложь, «классовые подделки исторической действительности, намеренно допущенные буржуазной наукой»; готовы всеми силами «помочь скорейшему оформлению безбожных настроений в безбожное сознание» и поэтому богоборческая работа находит среди них убежденных и горячих сотрудников.

Впрочем, таким своеобразным вывихом исторического чутья страдают не только «ученые» новой марксистской формации, но и люди настоящей научной культуры, питомцы прежней «буржуазной» науки. Известный профессор-историк Виппер, касаясь вопроса о происхождении христианства,

⁵ А. Струве, cit.

⁶ В. Рожицин. Золотая легенда (Книга о мучениках). Гос. изд. 1925. 47.

договаривается до утверждения, что первые христианские общины были ни более ни менее как «тайными организациями банкиров», организациями, располагавшими даже боевыми дружинами⁷.

Этот исторический сумбур, искажение исторических перспектив, граничащее с одержимостью, преподносится русской молодежи как последнее слово науки, как результат объективно исторических исследований.

Проповедники нового «исторического сознания», все видящие только сквозь очки красной «марксистской» схемы, занимают профессорские кафедры в ВУЗах, являются преподавателями «девятилеток» и «семилеток», лекторами всевозможных курсов по «подготовке» и «переподготовке» учительства низших школ. Они считают своим прямым долгом, нравственной обязанностью содействовать всячески разоблачению, развенчиванию «сплошной лжи, сплошного обмана, присущего всякой религии, всякой церкви, как организации господствующих эксплуатирующих классов, использующих старые выдумки и творящих новые ради своих классовых интересов»⁸.

Характеристика «вождей и вдохновителей» изуверского восстания против Бога, против Христа, против Церкви — «сектантов безбожия» — была бы неполна, если бы мы не упомянули об обширном слое «примазавшихся», поклонившихся зверю и продавших свою совесть и знания князю мира сего. Среди этих ренегатов немало бывших священников, прежних профессоров канонического права, людей со степенью кандидатов и даже магистров богословия.

Достаточно назвать имена быв. священников Галкина, небезызвестного Ионы Брихничева, проф. И. Сухоплюева, Н. Верховского. «Примазавшиеся» ненавидят Христа и Церковь злобой сознательных богоотступников. С каким-то упоением они смешивают с грязью, все, чему еще так недавно

⁷ Проф. Виппер. История христианства.

⁸ Предисловие Сарабьянова к книге В. Рожицина «Золотая легенда».

поклонялись (или казались поклоняющимися); с особой диалектической изощренностью и утонченностью обращают против Христианства свои обширные познания по догматике и церковной истории. Они ненавидят уже последней, бесовской злобой — холодное кипение которой тем мучительнее, тем страстнее, чем очевиднее, несомненное истина и правда Христова учения.

Вдохновители и руководители богоборческой работы, ядро «безбожнической секты» по большей части — люди с сильной волей, с ярко выраженной потребностью действия, действия немедленного, во что бы то ни стало. Эти качества вождей, в соединении с ясно выраженным сектантским фанатизмом многих из членов этой своеобразной секты придают антирелигиозной работе характер особой страстности и напряженности. Антирелигиозники часто идут к своей цели с нечеловеческой настойчивостью. Косность, равнодушие окружающих, постоянные неудачи и разочарования не только не ослабляют энергии деятелей безбожия, но скорее питают, усиливают ее. Никто так метко и зло не отмечает недостатков антирелигиозной работы, никто так беспощадно-правдиво не вскрывает ее многочисленных недочетов, как сами же безбожники. Но вместе с тем они методически, изо дня в день, работают над устранением замеченных недочетов, ищут все новых и новых путей для воздействия на верующие массы, упорно, — петелька за петелькой, узелок за узелком, — плетут свою страшную сеть.

И. Лаговский